

Христианские амулеты-апотропеи с изображениями всадников из собрания Эрмитажа

О. В. Ошарина

В 1978 году в Вестнике древней истории М. Г. Быстрикова опубликовала два тканых медальона из собрания Эрмитажа (инв. № ДВ-13252, 8877) с изображением всадников на белых конях, попирающих поверженную женщину-дьяволицу, из бывших коллекций Н. П. Лихачева и Б. А. Тураева¹ (ил. 1, 2). Обе гобеленовые ткани автор отнесла к категории защитных амулетов. Однако еще в 1916 году в сборнике «Абиссинские магические свитки» Тураевым была издана половина сохранившегося медальона (ил. 2, инв. № ДВ-8877), в тот период еще входящая в состав его личной коллекции². Работая над эфиопскими магическими свитками, Борис Александрович, несомненно, был знаком с образом святого всадника Сисиния и его легендой, дошедшей до нашего времени в наиболее полной эфиопской версии³, согласно которой святой боролся с женщиной-демоницей, убивающей младенцев, высасывая у них кровь. Итак, оба исследователя определили скачущего на белом коне всадника как изображение святого воина Сисиния, чей образ исполнял роль своеобразного оберега. Как случилось, что тканые медальоны, а также подвески из кости, бронзы и свинца с изображениями всадников в собрании Эрмитажа исполняли роль защитных амулетов? Обратимся к истории появления образа всадника в Египте, его иконографии и символике.

Изображение всадников – один из самых распространенных сюжетов, встречающихся на памятниках христианского Египта. Тема всадника многогранна: это связь с мифологической охотой и императорской символикой, идеей заступничества и культом святых воинов и мучеников. Все изображения, по мнению исследователей, можно условно разделить на три большие группы:

охотник, император и святой⁴. Предположение Сьюзен Льюис об использовании ранней однотипной группы памятников с махровым бордюром из неокрашенного льна, в качестве накидок или чехлов для погребальных подушек не подтверждается материалами археологии⁵.

Образ всадника не принадлежал культуре Древнего Египта, он появляется здесь в позднептолемеевское время, в правление Лагидов, что было связано с пребыванием в этом регионе македонской армии. Особенно часто его изображения встречаются на погребальных и votивных стелах, как в виде рельефов⁶, так и в росписях⁷, в которых конь символизирует бессмертие героизированного умершего. Самые ранние изображения всадника на тканях, относящиеся к IV–V векам, представляют композицию, вытканную темным пурпуром с добавлением цветной шерсти по светлой льняной основе. Рука наездника поднята в торжественном жесте, а его образ, наделенный большой внутренней энергией, олицетворяет триумфальную победу над смертью, следуя эллинистической традиции, согласно которой конь сопровождал героя в потусторонний мир в качестве психопомпа.

Образцом для создания образа охотника и императора стали известные изображения Александра Великого на саркофагах и предметах прикладного искусства эллинистического времени⁸. В качестве примера можно привести два тканых медальона из коллекции Дамбартон Оакс и Музея искусств в Кливленде, в виде двух симметрично расположенных всадников по сторонам древа жизни, с греческой надписью «Александр Македонский»⁹. Важно отметить, что образ Александра уже в IV веке носил характер апотропея: Иоанн Златоуст критиковал погребальную практику,

Ил. 1. Медальон с изображением всадника.
Египет. VI–VII вв.
Лен, шерсть; гобеленовое плетение. Инв. № ДВ-13252.
Государственный Эрмитаж

во время которой монеты с изображениями царя прикладывали к головам и ногам умерших¹⁰. На фаюмских портретах встречаем ожерелья с монетами, играющими роль оберегов. Эта традиция продолжается и в IV веке, когда бюсты с изображениями Константина Великого чередуются с образами Диониса и его свиты, как, например, на золотом ожерелье из собрания Дамбартон Оакс¹¹. Примером тканей со сценой императорской охоты может служить изображение всадника-триумфатора в парадном костюме (ил. 3, инв. № ДВ-11181) или императора-охотника в развевающемся плаще со скипетром в левой руке, увенчанным крестом (инв. № ДВ-11525). На фрагменте другого эрмитажного медальона VI–VII веков (ил. 4, инв. № ДВ-11524) справа от всадника помещена связанная фигура со змеиным туловищем и женской головой. Аналогичная сцена выткана и на более поздней по времени ткани, VII–VIII веков (ил. 5, инв. № ДВ-11523). Эти композиции отсылают к известной фреске VI–VIII веков из монастырского комплекса в Бауите. В часовне № XVII французским археологом Жаном Кледа была раскрыта роспись со святым Сисинием на белом коне, поражающим копьём демона в женском облике¹². Всадника окружают изображения скорпиона, дурного глаза с вонзенными в него кинжалами, кентавра, птицы ибиса, змеи с женской головой и коптской надписью о том, что она – дочь демоницы Алабастрии. Сама женщина-демон, полюбленная, – под ногами коня. Что же стало

Ил. 2. Фрагмент медальона с изображением всадника.
Египет. VI–VII вв.
Лен, шерсть; гобеленовое плетение. Инв. № ДВ-8877.
Государственный Эрмитаж

источником для подобного рода композиций? Прежде всего, это изображения на позднеантичных и христианских амулетах. В Художественном музее Принстонского университета хранится подвеска VI–VII веков со всадником, львом, ибисом, скорпионом, змеей, изображением дурного глаза, атакованного кинжалами, и греческой надписью «Единый бог, побеждающий зло»¹³. При раскопках древнего Анемурия на берегу Средиземного моря был обнаружен амулет с композицией всадника, сражающегося со змеей, скорпионом, львом и греческой надписью на обороте «Κύριε βοήθε» («Господи, помоги»)¹⁴. Аналогичный образец, находящийся в музее Уолтерсов в Балтиморе, также происходит из Малой Азии¹⁵. Находки медальонов со святым всадником в юго-западном Крыму у с. Лучистое *in situ* позволили датировать их VII–VIII веками. Они изготовлялись местными мастерами по образцам, привезенным из Египта. Их носили женщины детородного возраста и девочки, которым вешали по одному медальону в ожерелье, а мальчикам по два на кожаном

Ил. 3. Ткань с изображением императора-охотника.
Египет. VI–VII вв.
Лен, шерсть; гобеленовое плетение. Инв. № ДВ-11181.
Государственный Эрмитаж

шнурке¹⁶. В Палестине, в окрестностях Назарета был найден овальный бронзовый медальон VI–VII веков со всадником и знаком дурного глаза на оборотной стороне и надписью: «Единый Бог, побеждающий зло»¹⁷. Представленная на амулете сцена, по нашему мнению, является иллюстрацией Евангелия (Лк. 10:19): «се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам».

Важная роль в сложении этих композиций принадлежит т. н. «печатам Соломона», самым известным оберегам для защиты от демонов. Письменные свидетельства, упоминающие царя как гонителя демонов, относятся еще к I веку н. э., обнаруживая его связь с иудейской средой, гностическими учениями и солярными культами. Сохранились филиактерии в виде тонких серебряных и золотых пластин с заклинаниями на греческом языке, с призывом к Соломону, Саваофу или архангелам о защите. Например, золотая пластина III–IV веков, изготовленная по заказу христианки с просьбой оградить ее от злых духов¹⁸, или византийское ожерелье V–VI веков с крестом и двумя филиактериями из коллекции Бертона Берри музея Индианского университета¹⁹. В трактате «Завет Соломона», хорошо известном не только в Палестине и Сирии, но и в Египте, рассказывается о том, что Соломон через святого Михаила получил печать от Бога, с помощью которой он мог держать в повиновении всех демонов. Уже в III веке на геммах из полудрагоценных камней встречается Соломон,

Ил. 4. Медальон с изображением всадника.
Египет. VI–VII вв.
Лен, шерсть; гобеленовое плетение. Инв. № ДВ-11524.
Государственный Эрмитаж

Ил. 5. Медальон с изображением всадника.
Египет. VII–VIII вв.
Лен, шерсть; гобеленовое плетение. Инв. № ДВ-11523.
Государственный Эрмитаж

пронзающий копьем женскую фигуру, показывая его власть над демонами. Напомним, что на памятниках позднеримского искусства мотив всадника, пронзающего врага, символизировал победу и триумф. Эта композиция представлена на перстне-инталии IV века из Лувра²⁰ и аналогичном из собрания Эрмитажа²¹. На лицевой стороне эрмитажной геммы врезана фигура всадника, попирающего копьем демоницу; над головой коня – небольшая звездочка и слева греческая надпись «Σόλομῶνος» (Соломон). На обороте читается надпись в три строки – печать бога «σφραγίς Θεοῦ». Продолжение этой традиции демонстрирует амулет VI–VII вв. из гематита со всадником и греческой надписью «Σόλομῶνος» в Археологическом музее Келси Мичиганского университета²². Использование на раннехристианских памятниках, в том числе амулетах, новых формул, наряду со старыми, позволяет отнести их к синкретическому типу. Это ярко проявляется в рельефе из Лувра, выполненном из известняка, с изображением солнечного Бога – Сокола Гора, сразившего Сета в образе крокодила, – символизирующим борьбу с темными силами зла²³. К этому же кругу памятников относится магическая гемма с Гелиосом-возницей из Государственного музея Касселя²⁴. Изображения на греко-египетских геммах часто сопровождалась надписями: «Единый Зевс-Серапис», «Единый бог, побеждающий зло. Серапис»²⁵. Формула «Единый бог» была принята христианами и встречается на многих предметах религиозного и светского назначения, иногда к ней может добавляться слово «здоровье». Так, в коллекции Эрмитажа хранится латунное ожерелье, составленное из штампованных, соединенных между собой тонкими проволочками круглых и прямоугольных бляшек-индикаций с изображением римского императора и греческой надписью в верхней части медальона: «ΕΙΣ ΘΕΟΣ» – «Единый бог». В центральном медальоне в орнаментальном обрамлении представлено погрудное изображение женщины, тип лица которой характерен для греческого Востока. Слева и справа на полях греческие надписи: «ΧΑΡΙΣ», «ΥΓΙΑ» – «благодать» и «здоровье». Ожерелье относится к типу украшений, использующих в своей композиции имитацию аверса позднеримских монет. Подобные изделия были особенно характерны для Сирии и Египта, играя роль защитных амулетов. Так, золотая пектораль, хранящаяся в музее Метрополитен, была найдена в составе клада из Антинои²⁶. В качестве примера можно привести и золотое ожерелье из Мерсины

в собрании Эрмитажа, с бюстами императоров и греческой надписью «здоровье»²⁷.

История святого Сисиния имеет много общего с рассказом о получении царем Соломоном печати бога для борьбы с демонами. Так, наблюдается преемственность между образом Соломона и святым всадником Сисинием, призыв к которому часто встречается на магических амулетах. В коптской легенде святой Сисиний пронзает копьем женщину-демона Алабастрию, которая могла превращаться в летучую мышь и высасывать кровь у младенцев²⁸. Легенда о подвигах Сисиния зародилась в Сирии на рубеже IV–V веков, а вскоре появляются и литые бронзовые подвески с именем этого святого, следующие традиции гностико-христианских магических амулетов²⁹. Значительная группа более поздних сиро-палестинских гравированных амулетов VI–VII веков с изображением всадника иконографически, стилистически и эпиграфически связана с образами Соломона и святого Сисиния³⁰. Из коллекции Г. Шлюмберже происходит медальон с изображением всадника, попирающего демоницу, на лицевой стороне и круговой надписью: «Печать Соломона прогоняет любое зло от того, кто тебя носит». На обороте изображения змеи, скорпиона, ибиса, львов, дурного глаза с тремя кинжалами и надпись: «Беги, презренная, Соломон тебя преследует, Сисиний, Сисиннарий»³¹. На медальоне из собрания К. Боннера представлен всадник и надпись: «Единый Бог, побеждающий зло, святой Сисиний»³². Эта традиция сохраняется и в более поздний период. Так, на аверсе серебряного медальона из музея искусства и археологии Эшмоле в Оксфорде изображена сцена со всадником, попирающим демоницу, и греческой надписью, призывающей Сисиния, на реверсе греческая надпись «σφραγίς Σόλομῶνος»³³.

Использование амулетов в Египте против болезней, для защиты от врагов и сил зла, привлечение удачи – дань греко-римской традиции. Страх перед сглазом или силами зла привел к широкому распространению амулетов-апотропеев. Египтяне верили, что причиной всех болезней являются демоны, отразить нападения которых можно только с помощью специально изготовленных филактриев³⁴. Греческие магические папирусы из Египта дают рецепты составления защитных амулетов³⁵, которыми могли выступать фрагменты папирусов и пергаментов, геммы, камни, подвески из золота, серебра и бронзы, браслеты, печати, кольца и ткани. Сохранившиеся папирусы показывают, что для коптов определенные пассажи из Писа-

ния, написание имени Христа, знак креста имеют силу защиты и уничтожения сил зла³⁶. Чтимые коптами образы носили, как правило, прикладной характер: святой Фока защищал от скорпионов, мученик Коллуф давал рецепты от болезней глаз, в частности от песчаных бурь, святой Мина лечил от малярии; был известен целый список чудес, совершенных равноапостольной Феклой. Вера, что, обитающий в теле дух может быть изгнан с помощью магических ритуалов, отражает практику всей Восточной империи. Уже ранние греческие тексты показывают важнейшие процессы изгнания демонов: обращение к богам-целителям, заклинание, отгоняющее демонов, приказывая им бежать, и принесение ими клятвы. Сходная процедура известна и в ветхозаветной традиции. Так, в 8 главе книги Товии рассказывается об избавлении Сарры от злого духа. Товия окурил Асмодея сердцем и печенью рыбы, и тот бежал в пустыню, где был связан Ангелом (Тов. 8:1). В этом фрагменте текста, известном уже в III–II веках до н. э., исследователи видят два важных условия изгнания демона: «связывание» и «бегство». На пластине II века из Оксиринха, хранящейся в Британском музее, записаны заклинания, излечивающие лихорадку³⁷. В собрании Эрмитажа хранятся листы пергамена, представляющие своеобразные амулеты против лихорадки – с призывом к трем вавилонским отрокам: Анании, Азарии и Мисаилу³⁸, – и против укула скорпиона³⁹. Об экзорцизме сообщается и в коптском разделе Большого магического папируса IV века из Парижской Национальной библиотеки, который завершается инструкцией по написанию амулета: «То, что раньше было произнесенным заклинанием, – отмечает Рой Котанский, – теперь становится письменным текстом»⁴⁰. Этот тип магических амулетов развивается из традиции греко-египетских гемм, ясно прослеживается в иконографии и материале. Уже в позднем Риме наиболее известными изображениями были голова горгоны Медузы и знак дурного глаза.⁴¹ Так, фалары с изображениями императора, горгоны Медузы и львиных протом украшают лорик римского центуриона на погребальной стеле I века⁴². К раннехристианскому периоду относятся две подвески IV–VI веков в форме дурного глаза и головы Медузы⁴³ из Детройтского института искусств. Кроме имен Соломона и Сисиния на магических папирусах и геммах часто используются имена богов, Саваофа, Иао и ангелов, Михаила и Гавриила⁴⁴. Например, коптский магический амулет IV–V веков из Ахмима с призывом архангелов, Богоматери, Иоанна Кре-

стителя и Захарии⁴⁵. Фрагмент магического текста с заклинаниями, взывающими к архангелам Гавриилу, Михаилу, Суруилу, херувимам и серафимам, хранится в собрании Эрмитажа⁴⁶. Начертанные на берегах божественные и ангельские имена усиливали действенность амулетов.

Несмотря на отрицательное отношение церкви к использованию всевозможных амулетов и составлению гороскопов, они продолжают встречаться и после официального признания христианства в течение длительного времени⁴⁷. В 36 правиле Лаокодийского Конгресса (360 г.) содержится запрет и описание наказания за использование амулетов, что свидетельствует о существовании этой практики даже среди служителей церкви⁴⁸. Из многочисленных свидетельств Отцов Церкви мы знаем, что амулеты использовались и в христианских общинах позднеантичного Средиземноморья. «Главная причина отрицательного отношения церковных властей к магии, – отмечает греческий исследователь Вики Фосколу, – заключалась в размытости границ в использовании христианских символов, как со стороны христиан, так и для проведения магических ритуалов»⁴⁹. В ответ на обвинения Цельса в том, что христиане черпают свою силу из демонов и заклинаний, Ориген пишет: «они получают силу, которой, по-видимому, обладают, не с помощью каких-либо заклинаний, а с помощью имени Иисуса и рассказов о нем»⁵⁰.

Раскрыть символический замысел этих композиций помогают аналогичные образцы, содержащие эпиграфический материал. В Малой Азии при раскопках Кибира Магна в слое, относящемся к VI в., был найден бронзовый амулет со всадником, попирающим женскую фигуру, и фрагментом 90-го Псалма⁵¹. Можно отметить еще несколько амулетов VI–VII вв. с изображением всадника и демоницы, и отрывками из 90-го Псалма⁵². Представления о печати Соломона как о сильном апотропее глубоко укоренилось в сознании людей, поэтому неудивительно, что надписи с его именем известны на целой группе памятников. Это браслеты, свадебные пояса и кольца, служившие излюбленными украшениями в Сирии и Египте. В Лувре хранятся два браслета с изображением на шинке всадников и первой строчки 90-го Псалма⁵³. Г. Викан, публикуя группу из 19 браслетов VI–VII веков с изображением всадников, отмечает, что на 16 из них преобладают фрагменты из 90-го Псалма⁵⁴. В комментарии Лопухина к этому Псалму читаем: «Тот, кто живет верой и надеждой на Бога, найдет в Нем защитника, который спасет от всех

Ил. 6. Амулет с изображением всадника.
Египет. VII–VIII вв. Кость; резьба. Инв. № ДВ-10357.
Государственный Эрмитаж

Ил. 7. Амулет с изображением всадника.
Египет. VII–VIII вв. Кость; резьба. Инв. № ДВ-10359.
Государственный Эрмитаж

Ил. 8. Амулет с изображением всадника.
Египет. VII–VIII вв. Кость; резьба. Инв. № ДВ-10358.
Государственный Эрмитаж

несчастий и зол жизни»⁵⁵. Сцены, представленные на браслетах, поясах и кольцах, заимствуются с паломнических евлогий, обнаруживая близкое сходство с ампулами Монцы. Иконография сцен христологического цикла зародилась в Святой Земле и была характерна для многочисленных предметов, вызволившихся паломниками. По наблюдению Э. Хайрединовой, почти на всех браслетах место всадника определено после сцены «Жены-мироносицы у Гроба Господня» или предшествует Вознесению⁵⁶. Согласимся с автором, что конный образ, побеждающий демона, сопоставляется с Христом и его победой над смертью.

В собрании Эрмитажа хранятся четыре медальона из кости, один из бронзы и два из свинца со всадником, поражающим копьём лежащую фигуру с женской головой и змеиным туловищем, композиционно и стилистически принадлежащие одному иконографическому типу. Это амулеты небольшого размера, с петелькой на верхнем крае и двумя или четырьмя ножками по бокам и внизу на образцах из кости. На поле медальона (ил. 6, инв. № ДВ-10357) выделяется лицо всадника, пе-

реданное анфас, с большими глазами и широким носом; правой, отведенной в сторону рукой с копьём он поражает лежащую фигуру с женской головой и змеиным туловищем. Все четыре подвески из кости, по-видимому, были изготовлены в одной мастерской, хотя отличаются качеством исполнения: стилизованная, несколько схематичная композиция с острыми линиями резьбы на образце (ил. 7, инв. № ДВ-10359) и мягкими, плавными переходами на трех других медальонах (инв. № ДВ-10357; ил. 8, инв. № 10358; ил. 9, инв. № ДВ-10361). Аналогичная композиция представлена на бронзовой пластине с грубо гравированным изображением всадника с обеих сторон, на одной – попирающего женскую фигуру (ил. 10, инв. № ДВ-10529). Напомним, что этот предмет, так же как и два амулета из кости, был приобретен в Луксоре. Несмотря на низкое качество изображения на бронзовой пластине, налицо иконографическая и стилистическая близость с изделиями из кости. Изготовленные из более дешевого материала, два свинцовых медальона показывают использование подобного типа предметов среди различных слоев населения (инв. № ДВ-10846, инв. № ДВ-10847). Медальоны с безымянным всадником являлись предметами серийного производства. Его образ был настолько известен, что в надписи не было нужды. Святой всадник относится к магическим заклинаниям, записанным или устным, а его изображение является ритуальным повторением этих заклинаний. По мнению Р. Котанского, использование общих апотропейных формул на папирусах и амулетах является доказательством того, что они относятся к тем же магическим практикам, сформированным позднеантичной средой⁵⁷. Различие между папирусами, пластинами и подвесными амулетами заключается в том, что защитные свойства первых обязаны начертанному на них апотропейному тексту и предшествующему магическому ритуалу. Филактерий же объединялся с визуальными изображениями, что характерно для культуры с более низким уровнем грамотности.

После включения Египта в Арабский халифат изображения всадников на тканях не исчезают. Почитая Христа как пророка, мусульмане восприняли апотропейный характер образа всадника, что подтверждается многочисленными текстильными образцами. Так, на одной из тканей с охотящимися амазонками есть арабская надпись, упоминающая имя Иисуса.

Таким образом, композиции, представленные на тканях и рельефах, первоначально

Ил. 9. Амулет с изображением всадника.
Египет. VII–VIII вв.
Кость; резьба. Инв. № ДВ-10361.
Государственный Эрмитаж

Ил. 10. Амулет с изображением всадника.
Египет. VII–IX вв.
Бронза; гравировка. Инв. № ДВ-10529.
Государственный Эрмитаж

развиваются в русле эллинистической традиции, сложившейся под влиянием памятников с изображением Александра, иногда относящихся к погребальной практике. В византийский период в Египте под влиянием метрополии появляется триумфальная императорская иконография. Амулетная же линия связана с сиро-палестинским регионом и гностико-солярной символикой. Точки соприкосновения этих линий появляются в конце VI века, на фресках Бауита, рельефах и отдельных тканых композициях с изображением императорского триумфа. Влияние сиро-палестинского региона на становление византийской иконографии, и особенно ее египетской провинции, широко известно. Речь идет как о ранней палестинской сцене с изображением царя Соломона, так и группе сиро-палестинских гравированных амулетов VI–VII веков. К VIII веку изображение всадника встречается все реже, что объясняется ослаблением роли Византии в Египте в связи с завоеванием страны арабами в 642 году. Реалии египетского сознания в этот период не воспринимали борьбу всадника со змеем в качестве императорского триумфа, а скорее наделяли это изображение функцией апотропея: оберега, исцеления, изгнания зла. На смену императорской иконографии, отражающей византийское влияние в Египте, что ярко проявляется на многочисленных образцах коптских тканей, приходит почитание святых всадников. Развитый культ мученичества, распространение гностических ересей способствовали широкому развитию этого образа. Самыми чтимыми в Египте стали святые – защитники от болезней и смерти: Архангел Михаил, Мина, Сисиний, Феодор, Георгий и Меркурий⁵⁸. После арабского завоевания эсхатологическое понимание образа всадника было утрачено, а его изображения, в основном, свелись к функции апотропея.

- ¹ Быстрикова М. Г. Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 64.
- ² Тураев Б. А. Абиссинские магические свитки // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 176.
- ³ Гусарова Е. В. Легенда о святом Сисинии и Верзилье в эфиопской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М., 2017. С. 141–191.
- ⁴ Brune K.-H. Der koptische Reiter. Jäger, König, Heiliger : ikonographische und stilistische Untersuchung zu den Reiterdarstellungen im spätantiken Ägypten und die Frage ihres «Volkskunstcharakters». Altenberge, 1999. S. 110.
- ⁵ Lewis S. The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt // JARCE. 1973. Vol. 10. P. 50.
- ⁶ Ibid. P. 50. Fig. 35.
- ⁷ La Gloire D'Alexandrie. Exposition Musée de l'Ephèbe 29 aout – 29 november. Le Cap D'Agde, 1998. P. 23. Cat. 13.
- ⁸ Александр Великий. Путь на Восток : каталог выставки. СПб., 2007. С. 197. № 185.
- ⁹ Rutschowskaya M.-H. Coptic fabrics. Paris, 1990. P. 143.
- ¹⁰ Galavaris G. Alexander the Great Conqueror and Captive of Death: His Various Images in Byzantine Art // RACAR. 1989. Vol. 16. N. 1. P. 18.
- ¹¹ Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil : Katalog zur Ausstellung. Wiesbaden, 1996. S. 262. Kat. 283.
- ¹² Clédat J. Le monastère et la nécropole de Baouît // MIFAO. Le Caire, 1916. T. 39. P. 80. Pl. LIII.
- ¹³ Beyond the Pharaohs: Egypt and the Copts in the 2nd to 7th Centuries AD / F. D. Friedman. Providence (RI), 1989. P. 175. Cat. 104.
- ¹⁴ Vakaloudi A. D. ΔΕΙΣΙΔΑΙΜΟΝΙΑ and the Role of the Apotropaic Magic Amulets in the Early Byzantine Empire // Byzantion. Vol. 70. 2000. N. 1. P. 197.
- ¹⁵ Beyond the Pharaohs... Cat. 103.
- ¹⁶ Хайреддинова Э. А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 146–210.
- ¹⁷ Beyond the Pharaohs... P. 193. Cat. 104.
- ¹⁸ Byzantine Women and their World / ed. J. Kalavrezou. London, 2003. P. 294. Cat. 175.
- ¹⁹ Art and Holy Powers in the Early Christian House : Exh. Cat. Urbana ; Chicago, 1989. P. 165. Cat. 980.
- ²⁰ L'Art Copte en Égypte, 2000 ans de christianisme : cat. d'exp. / Institut du Monde Arabe. Paris, 2000. P. 122. Cat. 92.
- ²¹ Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков : каталог коллекции. СПб., 2006. С. 87. № 94.
- ²² Vikan G. Art, Medicine and Magic in Early Byzantium // DOP. 1984. Vol. 38. P. 79.
- ²³ Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. S. 84. Kat. 17.
- ²⁴ Ibid. S. 210. Kat. 214 a, b.
- ²⁵ Неверов О. Я. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Сев. Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. Приложение. С. 178–180.
- ²⁶ Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / ed. by K. Weitzmann. New York, 1979. P. 318. Cat. 395.
- ²⁷ Залеская В. Н. Указ. соч. С. 101. № 138.
- ²⁸ Смагина Е. Б. Святой Сисиний в коптской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М., 2017. С. 133–140.
- ²⁹ Barb A. A Magica Varia // Syria. 1972. T. 49. Fas. 3–4. S. 344–355.

- ³⁰ Pancaroglu O. The Itinerant Dragon-Slayer: Forging Paths of Image and Identity in Medieval Anatolia // Gesta. 2004. Vol. 43. N. 2. P. 152.
- ³¹ Schlumberger G. Amulettes Byzantins anciens destinées à combattre les maléfices et les maladies // Revue des Études grecques. 1892. T. 5. P. 73–93.
- ³² Bonner C. Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian / Humanistic Series. Vol. 49. Ann Arbor, 1950. P. 211.
- ³³ Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. Vol. 56 (1993). P. 30. No. 33. Pl. 3 a.
- ³⁴ Vakaloudi A. D. ΔΕΙΣΙΔΑΙΜΟΝΙΑ and the Role of the Apotropaic Magic Amulets in the Early Byzantine Empire // Byzantion. 2000. Vol. 70. N. 1. P. 185.
- ³⁵ Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. P. 47.
- ³⁶ Strawbridge J. Early Christian Epigraphy. Evil and the Apotropaic Function of Romans 8.31 // Vigiliae Christianae. 2017. Vol. 71. N. 3. P. 316.
- ³⁷ Beyond the Pharaohs... P. 175. Cat. 104.
- ³⁸ Эрнштедт П. В. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М. ; Л., 1959. С. 146–147. № 65.
- ³⁹ Там же. С. 148. № 66.
- ⁴⁰ Kotansky R. Greek Exorcistic Amulets // Ancient Magic & Ritual Power. Leiden, 1995. P. 243–277.
- ⁴¹ Toynbee J. M. Art in Roman Britain. London, 1962. P. 191. No. 137.
- ⁴² Bruhn J. Coins and Costume in Late Antiquity. Washington. 1993. P. 28. No. 18.
- ⁴³ Beyond the Pharaohs... P. 191. No. 101.
- ⁴⁴ Spier J. Late Antique and Early Christian Gems. Wiesbaden. 2007. P. 83. Nr. 472.
- ⁴⁵ L'Art Copte... P. 120. No. 91.
- ⁴⁶ Эрнштедт П. В. Указ. соч. С. 151–157. № 70.
- ⁴⁷ Maguire H. Magic and Geometry in the Early Christian Floor Mosaics and Textiles // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1994. Bd. 44. S. 269–270; Gamble H. Y. Books and Readers in the Early Church. A History of the Early Christian Texts. New Haven, 1995. P. 237.
- ⁴⁸ Strawbridge J. Early Christian Epigraphy. Evil and the Apotropaic Function of Romans 8.31 // Vigiliae Christianae. 2017. Vol. 71. N. 3. P. 326.
- ⁴⁹ Foskolou V. The Magic of the Written Word: the Evidence of Inscriptions on Byzantine Magical Amulets // Δελτίο. 2014. ΧΑΕ. 35. P. 31.
- ⁵⁰ Shandruck W. Christian Use of Magic in Late Antique Egypt // Journal of Early Christian Studies. 2012. Vol. 29. N. 1. P. 31.
- ⁵¹ Demirer U., Kraus T. Ein Bronze-Amulett aus Kibyra mit Reiterheiligem und griechischen Psalm 90 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2015. Bd. 195. S. 58.
- ⁵² Ibid. S. 60.
- ⁵³ L'Art Copte... P. 123. No. 98.
- ⁵⁴ Vikan G. Two Byzantine Amuletic Armbands and The Group to Which They Belong // Journal of the Walters Art Gallery. 1991/1992. Vol. 49/50. P. 35.
- ⁵⁵ [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/lopuhin-bible/19/90/> (дата обращения: 30.10.2023).
- ⁵⁶ Хайреддинова Э. Амулет с изображением святого всадника из Юго-западного Крыма // Античная древность и средние века. 2022. Т. 50. С. 112.
- ⁵⁷ Kotansky R. Greek Exorcistic Amulets. P. 274.
- ⁵⁸ Walter Ch. The Byzantine Warrior Saints. London, 2003. P. 271.